

ЦАРЬ-ЛЕТОПИСЕЦ

Простив брата, Грозный позаботился о том, чтобы подготовить почву для расправы с ним в случае возникновения нового кризиса. Он обратился к старым летописям и позаботился о том, чтобы включить в них подробный отчет о первом заговоре Старицких в годы правления Адашева.

Чтобы вполне оценить его начинание, надо иметь в виду, что в Русском государстве официальной летописи придавалось совершенно особое значение. Московские государи ссылались на летописи в своих спорах с вольным Новгородом, дипломаты черпали из них аргументы во время переговоров с иностранными дворами. Затяжная Грозным летописная работа преследовала не литературные, а политические цели.

Два последних тома Лицевой летописи — так называемый Синодальный список и Царственная книга — были посвящены времени правления Грозного. Неудивительно, что именно эти тома и подверглись исправлению.

Обе летописи написаны на французской бумаге. Наблюдения за водяными знаками (филигранями) позволили известному палеографу Н.П. Лихачеву установить, что во Франции такая бумага производилась в промежуток между серединой XVI в. и 1600 г.

Попытки уточнить датировки Н.П. Лихачева вызвали длительный спор. По мнению С.О. Шмидта, водные знаки Царственной книги характерны для конца 70-х — первой половины 80-х гг. На основании альбомов Н.П. Лихачева, Хивуда, Брике и О. Валле-и-Субира автор этих строк собрал данные, свидетельствующие о более раннем происхождении бумаги исследуемых сводов. Обсудив свои выводы с известным специалистом по филиграмм А.А. Амосовым, я в 1976 г. опубликовал их. Через несколько лет Амосов пересмотрел свое мнение и пришел к заключению, что бумага соответствующих листов Царственной книги была произведена во второй половине 70-х гг., а следовательно, приписки в тексте летописи не могли быть сделаны ранее указанного времени.

В настоящее время ни одна датировка приписок не стала общепризнанной. А.А. Зимин аргументировал вывод, что приписка к тексту Царственной книги была сделана между 1569 и 1570 гг. Другой известный исследователь Б. Клосс полагает, что Царственная книга появилась в первой половине 70-х гг., а приписки о боярском мятеже — самое позднее осенью 1575 г.

Наиболее подробная аргументация принадлежит, бесспорно, А.А. Амосову. Но в его построениях филиграммы приобретают самодовлеющее значение. Приведем в качестве примера новое прочтение филиграммы «Двойная лилия», условно названной «Гоздава», из Лицевого свода. Верхняя часть этого знака схожа с французской геральдической лилией, но бумага с этим знаком грубовата, с соринками. Качество бумаги служит А.А. Амосову отправным пунктом для цепи гипотез. Грубая выделка бумаги, рассуждает исследователь, характерна для нелучшей бракованной французской бумаги, для польской, реже германской бумаги. Не совсем понятно, почему автор останавливается на польском варианте.

За первым рядом гипотез воздвигается второй. Сочетание западных форм с польскими качественными приметами знака «Гоздава», пишет исследователь, было не только возможно, но и вполне закономерно на одном-единственном этапе взаимоотношений Польши и Франции: «...мы разумеем кратковремен-

ное пребывание на польском престоле Генриха Анжуйского, французского принца из дома Валуа». Сорт бумаги зависел от бумажной мельницы, но никак не от системы международных отношений в Европе. Лилию в водяном знаке употребляли при изготовлении бумаги многие бумажные мельницы.

Гипотеза о польском происхождении бумаги Лицевого свода не доказана, но она служит фундаментом для новых умозаключений. «Для Генриха Анжуйского перенос родовой эмблемы на новую (польскую) почву был бы вполне естественным действием... В этом плане мотив двойной лилии (в водяном знаке! — *Р.С.*) мог вызвать, например, ассоциации о двух коронах Валуа». Под пером А.А. Амосова водяной знак — скромное творение мастера бумажной мельницы невесть какой страны — превращается в объект большой политики, предмет манипуляции коронованной особы, заинтересованной в ассоциациях.

Осторожные предположения уступают место категорическим формулировкам: «Итак, даже краткий анализ позволяет со всей уверенностью утверждать, что знак двойной лилии в Лицевом своде следует датировать 1573–1574 гг.». В России такая бумага из Польши могла появиться в 1574 г., но Генрих Анжуйский уже бежал во Францию. «Не потому ли Грозный и решил ускорить работы по составлению московской версии всемирной истории?» Этот вопрос ставит читателя в тупик. Какое отношение может иметь бегство короля Генриха к ускорению (гипотетическому) летописных работ в Москве?

Определив два комплекта бумаги «с общим отчасти» (!) набором сюжетов филигранных (бумага пошла на изготовление Лицевого свода и Слободской Псалтири), А.А. Амосов выстроил целую пирамиду гипотез о нормах и последовательности расхода бумаги и заключил, что составителям Лицевого свода в декабре 1576 г. осталось выполнить не менее 40–45 % задуманного труда. Приведенные даты и цифры подкупают своей точностью. Но они уводят читателя в область фантазий, так как не опираются на факты.

Данные о бумаге памятника следует учитывать в любом текстологическом исследовании. Но ставить филигранные во

главу угла нет резона. Схемы А.А. Амосова доказывают это с полной очевидностью.

Интерпретация водяных знаков привлекает своей точностью, но эта точность относительна. Бумага была слишком непрочным материалом, а записи на ней теряли значение со сменой поколений. Понятно, что архивы XVI в. сохранили ничтожную часть произведенной тогда бумаги. Сама технология производства бумаги обусловила быструю смену водяных знаков, наличие бесконечного множества вариантов. Все это мешает выстроить сколь-нибудь полный и достоверный ряд, который бы объединил филигранные и сорта бумаги мануфактурного производства за длительный период. Скудные сведения о водяных знаках, накопленные наукой, допускают различную интерпретацию и дают возможность датировать бумагу лишь приблизительно, в пределах десятилетия.

Хронологические рамки, установленные на основании примерной датировки филигранных, требуют тщательной критической проверки, опирающейся на анализ содержания летописи в первую очередь.

По предположению Н.П. Лихачева, бумага была закуплена русскими властями во Франции около 1575 г. и ее использовали при составлении посольских книг 1570–1571 и 1575–1579 гг. Остатки бумаги после 1580 г. употреблены были на последние тома Лицевого свода. Предложенная схема вызвала весьма основательную критику (Д.Н. Альшиц).

Царская казна затратила большую сумму денег, закупив дорогую бумагу за рубежом. Во Франции на такой бумаге писал король. Немыслимо представить, чтобы подобного рода закупка имела в виду нужды текущего делопроизводства Посольского приказа.

Более вероятно предположение, что бумагу приобрели во Франции для нужд династии. Парадная летопись, излагавшая официальную историю начала царствования Ивана IV, была богато иллюстрирована и явно предназначалась для государя и членов его семьи. Иван IV не только читал ее, но и правил. В 1568 г. летописи были затребованы из земского Посольского

приказа в опричнину, что привело к полному прекращению летописных работ. Остатки бумаги, на которой ранее писали летопись, остались в стенах Посольского приказа, и, когда шансы на возобновление летописи исчезли, приказ использовал бумагу для составления беловых посольских книг за 1570–1571-й и позднее за 1575–1579 гг. Представить, чтобы черновики посольских книг переписывали набело с запозданием в пять — десять лет, невозможно. Беловики готовили с таким расчетом, чтобы представить их царю или думе по первому требованию.

Полагают, что летописная работа «вызывала особый интерес царя Ивана в последние годы его жизни». Факты свидетельствуют об обратном.

После опричнины за рубежом появилось множество сочинений о тирании московского царя, среди них «История о великом князе Московском» Курбского и «Хроника» Александра Гваньини. В конце Ливонской войны король Стефан Баторий прислал в Москву труд Гваньини с подробным описанием опричных злодеяний царя.

Невозможно представить, чтобы ответом на этот вызов были летописные приписки в Лицевом своде, повествующие о двусмысленных речах или нелояльном поведении бояр в давних событиях. Конечно, царь мог напрячь память и вспомнить события тридцатилетней и даже сорокалетней давности. Но сами эти события, имевшие исключительную актуальность в дни суда над князем Владимиром Старицким в начале 60-х годов, через тридцать лет отступили в тень. Они были заслонены чудовищными заговорами и еще более чудовищным опричным террором, который смел с лица земли и царского брата, и «мятежных» бояр.

Если бы Грозный сохранил минимальный интерес к летописным работам, он непременно велел бы составить историю последних семнадцати лет своего царствования, включая время террора, годы своего торжества и полного искоренения изменников в Святорусском царстве. Но он оставил без ответа вызов врагов и не позволил возобновить летописные работы.

Непреложный факт: летописец принужден был замолчать на рубеже 1567—1568 гг., в самом начале массового террора.

Лицевые своды имели одну особенность. Рисунки в них явно доминировали над текстом. Каждая страница официоза была снабжена миниатюрой, занимавшей три четверти страницы. Несколько строк текста служили как бы кратким пояснением к картинке. Чтобы объяснить отмеченную особенность, надо вспомнить, что по традиции, сохранившейся до конца XVII в., парадную летопись использовали при обучении детей в царской семье. Первые тома Лицевого свода, вероятно, предназначались для малолетнего Ивана IV, последние тома — для царевичей Ивана и Федора. Трудно предположить, чтобы пособие с картинками было изготовлено в конце жизни Ивана IV, когда царевичи стали взрослыми людьми.

Внимание историков давно привлекали следы энергичной редакторской правки на полях лицевых летописей. Неведомый редактор правил как текст, так и рисунки. Замечания по поводу миниатюр имеют особо важное значение для атрибуции летописной работы. Автор приписок придирчиво разглядывал изображения царской персоны и, когда они его удовлетворяли, делал замечания, безапелляционность которых поразительна. Подле миниатюры на листе 65 Синодальной летописи редактор заметил: «В знаменье (зачеркнуто «царевич») государь написан не г делу». На листе 361 Царственной книги редактор увидел невнимательность иллюстратора и написал: «Царя писать тут надобе стара». Смысл замечания сводился к тому, чтобы убрать с рисунка фигуру Ивана IV и нарисовать на его месте «старого» казанского царя или хана. На полях листа 652 запечатлелось распоряжение насчет того, как надо изобразить перенесение мощей: «То не надобе, что царь носит». Тон приведенных замечаний подтверждает мнение о непосредственном участии Ивана Грозного в исправлении Лицевого свода.

Д.Н. Альшиц предположил, что царь правил Синодальный список в 1563—1564 гг. (до получения письма от Курбского), а Царственную книгу — в 1564—1568 гг. (после написания ответа Курбскому). Эти даты могут быть уточнены.

Самая обширная приписка на полях Синодального списка посвящена суду над князем Семеном Ростовским в 1554 г. Треть текста приписки занимает перечень лиц, назначенных царем для дознания и суда над боярином: «И царь и великий князь... послал бояр своих (список из одиннадцати человек. — *Р.С.*)... а велел его (обвиняемого. — *Р.С.*) роспросити, а доведетца и пыtkою пытать». Приведенные строки выглядят как цитата из царского наказа о проведении розыска. Приписка содержала также выдержки из показаний Ростовского: «И князь Семен сказал, что... и оттого сказывает, почал досадовати...»

Отмеченные моменты указывают на детальное знакомство царя с судным делом князя Ростовского.

Можно точно установить время, когда царь обращался в архив по поводу дела Ростовского. Подлинная опись царского архива 60-х годов XVI в. заключала в себе следующий параграф: «Ящик 174. А в нем отъезд и пытка во княже Семенове деле Ростовского». Подле приведенных строк хранители архива сделали помету: «Взято ко государю во княж Володимирове деле Ондреевича 7071 июля в 20 день, взят ко государю».

Вспомним теперь, что как раз 20 июля царь вернулся в Москву из Слободы, где он занимался расследованием измены брата князя Владимира. Знакомство с судным делом помогло монарху быстро завершить розыск и составить обвинение.

Иван IV был человеком жестоким и мнительным, менее всего склонным прощать своих врагов. Помиловав брата, он вовсе не желал предать забвению измену собственных бояр. Из приписки к Синодальному списку следует, что в заговоре Старицких участвовали «княз Петр Щенятев и княз Иван Турунтай Пронской и Куракины родом и Го (зачеркнуто) и княз Дмитрий Немой и княз Петр Сребреной». Княгиня Евфросинья Старицкая происходила из рода Патрикеевых, к которому принадлежали также Щенятевы, Куракины и Голицыны. Первоначально автор приписки намеревался обличить бояр Голицыных. Писец успел записать лишь две первые буквы «Го». Но тут царь переменял намерение и велел писцу вычеркнуть

начатое слово. Ко времени суда над Старицкими в 1563 г. старших Голицыных не было в живых, и указание на них утратило актуальность.

Летописный перечень изменников-бояр был проскрипционным списком, который давал самодержцу возможность расправиться со своими врагами при возобновлении конфликта. Разгром думы в этом случае был неизбежен.

В письме к Курбскому 1564 г. царь вновь затронул тему измены Ростовского. Строки из послания выглядят как краткий пересказ более пространного летописного известия. Сочиняя письмо Курбскому, Грозный не обращался в архив, а писал по памяти, отчего допустил некоторые оговорки. Так, укоряя Семена Ростовского за поношение царских детей, он забыл, что в дни бесед изменника с литовским послом в царской семье не было детей: наследник престола погиб вследствие несчастного случая, а второй сын у Ивана IV еще не родился.

«Сказание о мятеже», занесенное на поля Царственной книги, написано тем же почерком и посвящено тому же сюжету, что и синодальная приписка. Но если одна приписка опиралась на документы, другая носила совсем иной характер. Центральное место в «Сказании» занимают царские речи, произнесенные в день «мятежа» в думе. Сочинение вымышленных речей, соответствующих характеру героя, отвечало издавна сложившимся канонам летописания. Речи «Сказания» не были исключением. Но их своеобразие заключалось в том, что царские речи были сочинены не летописцем, а самим государем. В царских речах можно обнаружить текстуальное сходство с посланием Грозного в Москву 1565 г., что весьма важно с точки зрения атрибуции и датировки «Сказания».

«Сказание о мятеже»

«...побежите с ним в чьюю землю, где Бог наставит».

Послание царя к думе и духовенству (1565)

«...и царь... оставил свое государство и поехал, где вселится, идеже его, государя, Бог наставит».

Крамольные речи бояр-заговорщиков переданы в приписках следующим образом:

Синодальный список

«...только нам служить царевичу Дмитрею, ино нами владети Захарьиным и чем нами владети Захарьиными, ино лутчи служить князю Володимеру Ондреевичю».

Царственная книга

«...ведь де нами владети Захарьиным, и чем нами владети Захарьиным, а нам служить государю малому, и мы учнем служить старому князю Володимеру Ондреевичю».

В первом случае составитель летописи, по-видимому, привел цитату из «пыточных речей» (протоколов допроса) Ростовского. Во втором случае он сослался на донос конюшего боярина И.П. Федорова, передавшего царю крамольные толки бояр.

По-видимому, в распоряжении редактора не было письменных доносов, которые можно было затребовать из архива. «А после того, — значитися в «Сказании», — государю сказывал боярин Иван Петрович Федоров, что говорили с ним бояре...»; «да государю же сказывал окольничей Лев Ондреевич Салтыков, што говорил ему, едучи на площади, боярин...». Речи верных бояр имели значение устных свидетельских показаний. К 1563–1564 гг. И.П. Федоров и Л.А. Салтыков находились в приближении у царя и в любой момент могли верноподданнически подтвердить давний донос.

Д.Н. Альшиц полагает, что приписку к Царственной книге Иван IV сделал после написания письма Курбскому, при этом он лишь перенес аргументы, адресованные боярину, на страницы летописей. Такое предположение сомнительно. В приписке царь не ставил под сомнение лояльность Алексея Адашева, тогда как в письме Курбскому изображал его главой заговорщиков, желавших погубить царскую семью.

Почему автор «Сказания» не учел версию, изложенную в царском письме Андрею Курбскому, и не внес в летопись све-

дения об Адашеве как «начальнике» мятежа? Вывод очевиден: «Сказание» было составлено ранее лета 1564 г., времени написания письма Курбскому.

Стремительное развитие конфликта между царем и его думой в 1563–1564 гг. привело к тому, что летописная правка, сохранявшая поначалу некоторую объективность, приобрела крайне тенденциозный характер.

«Сказание о мятеже» представляло Ивана Шуйского главным виновником смуты и перебранки в думе. Надо заметить, что Шуйские вовсе не были участниками заговора князей Старицких.

Обличения царя приобрели новое звучание. Под диктовку Грозного дьяки внесли в летопись сведения о том, что в 1538 г. бояре Шуйские уморили конюшего князя Ивана Овчину, что именно они «ободраша на своем дворе», после чего обезглавили дьяка Федора Мишурина, отправили в ссылку боярина Михаила Тучкова (оба числились душеприказчиками Василия III). Иван IV счел нужным пояснить, что вместе с князем Иваном Михайловичем Шуйским главную роль в перевороте 1542 г. сыграл его сын князь Петр, своевременно прибывший в столицу с отрядом дворян-заговорщиков. В другом случае царь пополнил летопись сведениями о том, что ответственность за мятеж 1543 г. нес не один только князь Андрей Михайлович Шуйский, как значилось в первоначальном тексте летописи, но также его брат Иван Шуйский и Федор Скопин. В списке бояр, спровоцировавших бунт черни в Москве в 1547 г., первым был назван Федор Скопин. Иван IV помнил о давней вражде между Старицкими и Шуйскими и ни разу не назвал Шуйских в числе участников заговора в пользу князя Владимира.

Предметом обличений Ивана IV стали не только Шуйские, но и прочая суздальская знать. Вина ее заключалась в том, что она занимала господствующие позиции в думе и при дворе. В качестве изменников в приписках Ивана IV фигурируют боярин дворецкий Иван Кубенский-Ярославский с братом Михаилом (1542), князь Юрий Темкин (1547), князь Семен Лобанов и Андрей Катырев Ростовские (1553–1554), князь Федор Палецкий (1543) и Дмитрий Палецкий-Стародубский (1553).

Случайными участниками смут в приписках выглядят бояре Григорий Юрьевич Захарьин и Иван Федоров (1547), Иван Большой Шереметев (1542), Алексей Басманов (1543), Семен Морозов (1553).

Исследователи выражали удивление по поводу обилия имен в царских приписках и вопиющих противоречий в оценке поведения одних и тех же лиц. Так, конюший Иван Федоров упомянут как опальный боярин, чудом избежавший казни (в 1546), и как мятежник (1547), а ниже — как самый верный царю слуга (1553).

Отмеченные противоречия находят объяснение, коль скоро удастся выяснить главную тенденцию приписок — намерение царя скомпрометировать не отдельных бояр, а Боярскую думу в целом как извечный очаг смуты и мятежа.

Царские приписки к тексту летописи предвосхитили катастрофу, потрясшую Россию год спустя, когда Грозный решил подорвать влияние коренной русской знати, ограничивавшей его самодержавную власть. Стало очевидно, что в думе самыми опасными противниками были не родня и сторонники князя Владимира, а их противники — покоритель Казани Александр Горбатый-Суздальский и его единокровная братия.

Нет нужды считать редакторскую правку в лицевых сводах автографами Ивана IV. Представить царя в роли писца-справщика, тщательно выверявшего буквенные описки, пропуски слов, мелкие стилистические несуразности, совершенно невозможно. Вековые традиции воспрещали московским государям брать в руки перо даже для скрепления собственных указов, писем и завещаний. Работая над летописью, Иван IV едва ли нарушил этот запрет. Ему достаточно было определить общее направление работы, в наиболее ответственных случаях продиктовать необходимый текст. Приказные люди, хорошо владевшие пером, всегда были к его услугам. Можно ли определить их по именам? Сделать это с достаточной степенью вероятности пока никому не удалось. Исследователи полагают, что в составлении «Сказания о мятеже» и аналогичной приписки о суде над князем Семеном Ростовским участвовал

дьяк Иван Висковатый. Однако такая атрибуция не согласуется с датировкой двух названных приписок. Если верно то, что приписка в Синодальной летописи появилась в разгар суда над Старицкими летом 1563 г., то Висковатый никак не мог быть ее автором. На протяжении года он находился с посольством в Дании и вернулся в Москву только в ноябре 1563 г.

«Сказание о мятеже» выставило поведение Висковатого в самом выгодном свете. Но это обстоятельство все же не доказывает его участия в составлении «Сказания». Похвала в адрес дьяка могла исходить от его подчиненных. В одной из наших работ опубликованы фотокопии автографа И.М. Висковатого (его подписи на соборном приговоре 1566 г.) и приписка на полях Царственной книги. Графологический анализ не подтверждает предположения о том, что записи на полях Царственной книги принадлежали непосредственно Висковатому. Дьяк обладал более тонким и изящным почерком, нежели лицо, исправлявшее летопись. Помощников Ивана IV по исправлению летописей едва ли следует искать среди самых знаменитых «бюрократов» того времени, перегруженных делами текущего управления. Скорее всего ему помогали «книжники» из его окружения, склонные к литературным трудам.

В «Сказании о мятеже» вмешательство Ивана IV всего заметнее сказалось на царских «речах», окрашенных личными переживаниями, а также в общей композиции рассказа. Царь не дал переписчику возможности перебелить до конца лист Царственной книги и остановил его на полуслове. Не зная, куда включить «Сказание», Иван IV четырежды перемещал с места на место знак переноса.

Композиционные недостатки «Сказания о мятеже» напоминают аналогичные недостатки послания царя Андрею Курбскому. Их следует целиком отнести на счет некомпетентного, но властного вмешательства высокопоставленного публициста в летописную работу.

Последние исследования лицевых сводов позволили установить, что Синодальный список и Царственная книга являлись частями одной лицевой летописи и работа над ними

велась разными артелями писцов и рисовальщиков почти одновременно. Синодальный том насчитывал 626 листов и 1116 миниатюр. На переписку и иллюстрирование свода (без раскраски миниатюр) понадобился совсем короткий срок — примерно один год. Вероятно, столько же времени требовало изготовление Царственной книги, работа над которой проводилась почти одновременно и связана была с вторичной переделкой официальной летописи.

Приходится отказаться от обычных представлений о том, что Лицевой свод с изложением истории начала царствования Грозного был составлен в ходе двадцатилетней работы. Когда царь лично взялся за летописи и стал вносить в них исправления, колесо закрутилось с бешеной скоростью. В распоряжении монарха были многочисленные артели, составленные из лучших писцов и рисовальщиков России. Любое промедление в работе вызывало «прещение велико с яростью», как то было в случае с Великими Минеями в Новгороде (их переписывали «повелением самодержца»). Никогда летописные работы в Москве не проводились в таких грандиозных масштабах и в такие сжатые сроки.

Правка двух томов — Синодального списка и Царственной книги, — по-видимому, проводилась также с минимальным интервалом.

Приписка к Синодальному списку была сделана сразу после 20 июля 1563 г., а приписка к Царственной книге, во всяком случае, ранее июля 1564 г.

Примирение Грозного с братом Владимиром в конце 1563 г. привело к тому, что главная тема приписок — боярский «мятеж» в пользу удельного князя — утратила злободневность. Интерес царя к летописанию, внезапно вспыхнувший, так же внезапно угас. Надобность в поправках к тексту свода исчезла после того, как Грозный выплеснул свои обличения по поводу боярской измены в обширном послании Курбскому, по объему превосходившем все приписки, вместе взятые, в сотни раз. Форма «крепкой заповеди», не стесненной никакими рамками (а летопись поневоле ставила определенные рамки автору

приписок), пришлась по душе самодержцу. Едва ли не с этого времени царь при каждом новом кризисе изливал душу не в летописных заметках, а в посланиях недругам. Летописный жанр оказался вытеснен жанром эпистолярным.

В судьбе Грозного как писателя особую роль сыграло учреждение, бывшее крупнейшим центром образованности и культуры, а именно Посольский приказ. Руководитель приказа Висковатый поражал современников своей осведомленностью не только в делах текущей политики, но и в древней истории. Литовский вице-канцлер Остафий Волович, хорошо знавший печатника, писал: «Среди всех его (царя) советников не было лучшего, чем он, знатока давних событий» (И. Граля).

При Посольском приказе велись все летописные работы, получившие во второй половине XVI в. небывалый размах. Сам Грозный оказался втянут в эти литературные труды. Однако Посольский приказ был прежде всего дипломатическим ведомством. Дипломатия была искони прерогативой монарха.

В юности участие Ивана в сношениях с иностранными державами носило формальный характер. В тридцать три года его дипломатические труды впервые соединились с литературным творчеством.

Первые следы такого творчества обнаруживаются в ответе царя литовским послам, составленном в декабре 1563 г. (Б.Н. Флоря). Объясняя причины войны в Ливонии, Грозный утверждал, что именно его предки отдали Ливонию рыцарям и разрешили им «обирать» архиепископа и магистра «по своему латинскому закону», но те «свой закон латынской порушили, в безбожную ересь отпали, ино на них от нашего повеленья огонь и меч пришел». Писатель-дипломат гневно обличал короля Сигизмунда II, который «с злобною яростью дышет ко всему христианству, а к нам гордостью и нелюбостью обнялся». Притязания короля на Ливонию Грозный объявляет ложными, что дает ему повод для нравоучения: «Всем государем годитца истинна говорить, а не ложно: светильник бо телу есть око, аще око темно будет, все тело всуе шествует, в стремни-нах разбиваетца и погибает». Давая волю гневу, Иван продол-

жает: «А кто, имея очи, не видит, уши слыша, не разумеет, и тому как ведати?»

Приведенные пассажи попирали нормы дипломатического этикета. Но царь находил в них выход для своих как политических, так и литературных пристрастий. Помимо всего прочего, обращение к коронованным особам отвечало представлениям самодержца о собственном достоинстве.

В 1563 г. Грозный обрушился с бранью на шведского короля Эрика XIV, претендовавшего на сношение непосредственно с царем, а не с его новгородским наместником. В ответ самодержец написал шведскому королю язвительное послание: «Многие бранные и подсмеятельные слова».

В середине 60-х годов монарх составляет, помимо двух названных выше творений, главное литературное сочинение своей жизни — письмо Курбскому (1564), затем послание к Боярской думе (1565) и три обширных послания от имени бояр королю Сигизмунду II (1567). По всей видимости, литературное творчество царя достигло пика в названный период.

Время массового террора опричнины (1568–1571) ознаменовалось упадком литературных начинаний самодержца. Отчаянные крики жертв и потоки крови, пролитые на Пыточном дворе, способны были заглушить любое литературное начинание. В годы опричнины царь составил лишь небольшое «подсмеятельное» письмо английской королеве (1570).

Литературное творчество Грозного оживилось после отмены опричнины (два послания Юхану Шведскому, 1572–1573 гг.; послание в Кирилло-Белозерский монастырь, 1573 г.; послание Василию Грязному, 1574 г.). В челобитной Симеону Бекбулатовичу (1575) трудно обнаружить черты литературного сочинения.

Еще один всплеск литературного творчества царя пришелся на время Ливонского похода 1577 г. В то время Грозный послал грамоты польскому королю Стефану Баторию, литовским гетманам Яну Ходкевичу и князю Александру Полубенскому, князю Андрею Курбскому, беглым ливонским дворянам Иоганну Таубе и Элетру Крузе, изменнику Тимохе Тете-

рину. Почти все эти послания, написанные в военно-полевых условиях, совсем невелики по объему.

В последние семь лет жизни самодержец, по всей видимости, утратил прежний интерес и к эпистолярному жанру. В 1579 г. Курбский отправил царю Ивану третье, самое большое по объему и наиболее значительное письмо. К нему было приложено второе письмо князя Андрея, написанное своевременно как ответ на царскую эпистолию, но не отправленное адресату. Ответа на два боярских послания не последовало. Спор о стародавних событиях вроде «мятежа» 1553 г., столь глубоко волновавший Грозного в начале 60-х годов, теперь перестал занимать его. Пятнадцатилетняя переписка оборвалась.

В 1581 г. Грозный написал несколько посланий Стефану Баторию. В этом случае обмен письмами носил вынужденный характер. Потерпев тяжчайшие поражения от поляков, царь пытался склонить Батория к миру.

Простой хронологический перечень сочинений Грозного показывает, что литературные занятия царя обрели наиболее интенсивный характер в 1563–1567 гг., и это косвенно подтверждает раннюю датировку царских приписок к летописи.